

Сколько людей в нашей стране знают тексты венгерского писателя и норильского заключенного Йозефа Лендела? Маленькая книжечка с первыми напечатанными рассказами о лагерях вышла в Венгрии в 1961 году до опубликования «Одного дня Ивана Денисовича» в «Новом мире». Лендел получил литературную премию, но долго и трудно выходили все следующие рассказы и романы. Его дочь Татьяна Лендел семь лет собирала к изданию книгу «Просроченный долг», которую передала для выставки, и готовит в опубликованию электронную версию. И так же, как отец, старается не упустить детали, которые делают события и людей сложными и живыми.

Отвечая за каждую строку

Самое прекрасное, самое лучшее и ужасное мы не забудем. Тогда что же нам записывать, набрасывать на бумагу? То, что иначе забудется, покроется палой листвой, как «оппадают листья с дряхлого древа времён»? Только это не так. Важное тоже забывается. И не было бы беды, если бы оно впитывалось в клетки мира и превращалось в белок мысли и опыта. Но это не так. Нужен катализатор, нужно говорить снова, потому что мы не можем положиться на спонтанный сгусток мировой памяти. То, что важно, мы должны сохранить живым как экстракт или катализатор в написанном слове, в картине.

Йозеф Лендел, из дневника, 7 августа 1962 года.

Фотография из второго следственного дела, 1948 год; заявление прокурору МВО, 1955 год, выданы в 1993-м Татьяне Лендел.

Обложка первого издания «лагерными» рассказами, 1961 год, Будапешт, архив Татьяны Лендел.

Мой отец, венгерский писатель Йозеф Лендел, прожил в России четверть века. Значительная часть его творческого наследия создана на основе впечатлений семнадцати лет, которые он провел в тюрьмах, лагерях, ссылке. Многие он писал в сибирской деревне Макарово, куда его как «повторника» сослали на вечное поселение в 1949 году и где он находился ровно 6 лет. В Венгрии его первый рассказ на эту тему был напечатан в 1957 году, а большая часть — в 1959–1962 годах. Но к русскому читателю они попали только в 1990 году.

Отец не написал воспоминаний, хотя не раз думал, почему он не должен этого делать: «От написания автобиографии, мемуаров меня удерживает другое. То, что мои друзья, которые мне так доверяют, всё же переоценивают мою открытость. Их доверие имело основание, если они предполагали, что я не буду лгать. Но они ошибались, если думали, что я расскажу в автобиографии о себе всё, повторяю, всё, даже то, что представляет мою жизнь, как говорится, в «дурном свете».

А если я расскажу не всё, то тогда даже если всё, что я рассказал, — до последнего слова правда, в целом это будет не что иное, как приукрашивание, лакировка. А проще говоря, составленная из кусочков правды ложь. Написать подобную автобиографию я считаю еще более постыдным, чем вещи, от предания которых гласности я воздержусь».

В 1921 году вышел из партии «ввиду принципиального несогласия по вопросу о терроре». Разрыв «был, безусловно, вызван апатией после поражения. А также осознанием, что многое невозможно решить насилем. Александр Великий не распутал гордиев узел, он его разрубил. Однако задача была не в том, чтобы что-то разрубить пополам, а в том, чтобы распутать».

М. Бубер-Нойман после ареста мужа пишет: «Лишь один из наших друзей не оставил меня в беде. Это был венгерский товарищ Йозеф Лендел».

Оставшиеся в Москве рукописи сохранились, хотя в нашу комнату поселили людей из разбомбленных домов, а во двор дома попала бомба. Отопление не работало, посередине комнаты стояла буржуйка, в которую бросали всё, что горело (книги, бумаги, тряпки). Но чемодан с рукописями был на антресолях в коридоре, за вещами других жильцов. О том, что там бумаги, никто не знал.

25 июня 1955 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР отменила Постановления Особого Совещания от 23 апреля 1939 года и 9 февраля 1949 года за отсутствием состава преступления.

Йозеф Лендел вернулся на родину в августе 1955 года. Посол Венгрии в Москве, напутствовал перед отъездом: «Не пытайтесь снова стать писателем, потому что тогда все ополчатся против вас».

Сразу после возвращения Лендел не молчал о лагерях в СССР. Сравнивал события 1968 года в Чехословакии с венгерским 1956-м годом. Считал 56-й год не контрреволюцией, а «героическим мятежом против новой оккупации».

На его письменном столе остались отрывочные записи: «Культура, цивилизация, человечность», «еще тикающие часы на руке мертвого, из-за которых дерутся бандиты» и «до тех пор, пока можно говорить о справедливых войнах, будут несправедливые войны».

Как вспоминает редактор журнала, напечатавшего первый лагерный рассказ Лендела, «после размышлений, сомнений, жарких споров в редакции я решил опубликовать потрясающую, трагическую историю ареста, истязаний и гибели профессора... в июньском номере 1962 года... я и все мы подверглись критике, разумеется, сверху, с предупреждением впредь воздерживаться от такого рода публикаций. И думать не могли, чтобы печатать это не только сериями, но даже отдельные вещи такого рода».

Вскоре весь мир облетела сенсационная новость: в ноябрьском номере советского журнала «Новый мир» напечатана повесть «Один день Ивана Денисовича». Лендел писал: «Итак, появилась книга об одном дне тех лет, звучащая правдиво и открыто, — и за какие-нибудь две недели стала известна всему миру. А ведь уже единственно благодаря тому, что она написана по-русски, она точно стала доступна миллионам читателей. Вдобавок, сразу после публикации ее перевели на четыре мировых языка... Ну что ж, этому Солженицыну повезло больше, чем персоне нон грата или не очень „грата“, вроде меня, кто в свои шестьдесят семь лет всё еще только подает некоторые надежды. Меня грызет черная зависть!» Но стоило Ленделу, наконец, достать и прочесть повесть, как «досаду смела бурная радость: известность пришла к действительно большому и настоящему произведению. Прочь черная зависть, такая книга — великая радость, и написавший ее — не

„конкурент“ мне, а только товарищ. Его успех укрепляет и мою позицию...»

Когда стало известно, что «Один день» постеснито переводят на венгерский язык, главный редактор решил, что тем самым «автоматически» снят запрет на публикацию произведений о советских лагерях, и поставил повесть «С начала до конца» в ближайший номер журнала, но публикации предпослал посвящение коммунистическому движению, «вернувшему себе человеческое достоинство».

Критик так отозвался на рассказ Лендела: «у Солженицына невинно обреченные на смерть люди строят социалистический город» и «даже в том аду остаются людьми», а Лендел «освободившись из лагеря, находит „лагерь“ на воле».

Йозеф Лендел умер 14 июля 1975 года. «По советским меркам из жизни ушел подлинно диссидентский писатель», — передали по «Свободной Европе». С этого момента в Венгрии его начали представлять как одного из основателей компартии, как коммуниста, ни на минуту не усомнившегося в коммунистических идеалах. В завещании писатель запретил устраивать ему официальные похороны и выступать с речами. Это его желание во внимание не приняла. После его смерти его книги в Венгрии почти не выходили. Дневники были закрыты от исследователей.

Непростым, долгим, мучительным был путь писателя к решительному разрыву с компартией. «Я пессимист, потому что представления моей юности не осуществились. Гораздо хуже! Они осуществились, но в каком уродливом обличье!» — записывает он 7 апреля 1968 года. Он не снимал с себя вины за это. «Моя ли это заслуга, что я не стал активным соучастником великих злодеяний века? — писал он. — То, что не стал, потому что и не мог стать, это не заслуга, а особая удача, милость providения, назовем как угодно. Я думаю, и я убежден: я не стал бы бьющим. Даже если бы моя судьба сложилась по-другому, и я сам не оказался бы среди избиваемых. У меня есть право так думать. Но я уже не могу утверждать, что я избежал бы той большой категории, которую, к их стыду, заклеил великий поэт — „Преступников пособник тот, кто нем“». Йозеф Лендел не молчал.

Татьяна Лендел, дочь, исследователь и хранитель архива. Фрагменты очерка «Отвечая за каждую строку».